

## Завтрак, обед, ужин

Я женат дважды. У меня вторая жена. Вторая — я на разный лад произношу это слово по десять раз на день.

Мне кричат из кухни:

— Все готово...

Это — она, ее голос. Я удивляюсь тому, что он именно такой, что я его буду слышать теперь всегда, может быть даже до конца жизни. Я удивляюсь тому, что несколько лет назад точно так же мне кричала из кухни другая женщина, и я так же нехотя, как и сегодня, отрывался от своих дел и шел. Теперь меня приглашает, зовет завтракать незнакомая, неизвестная, непонятная женщина. Та, которую я называю — моя вторая жена.

Она нравится всем. Хороший, легкий человек. Таких теперь немного. Она умеет молчать, а иной раз она неудержимая болтуня — человек тысячи анекдотов. Я еще не знаю, что в ней правда, а что нет, но несколько месяцев назад я почему-то неожиданно решил поставить в этом долгом вопросе точку: из любви-ниги она стала женой. Теперь, засыпая рядом с моей новой женой, я перед сном говорю себе, как бы возражая кому-то — нет, нет, с ней можно отлично жить.

Она прекрасно готовит, и привезла ко мне в дом вместе со своими вещами, наверное, два десятка приправ, названий которых я даже не слышал. Она очень аккуратна — это качество я бы назвал в ней первейшим. До этого я жил очень необдуманно, грязно, в вечном беспорядке, на который было достаточно причин. Теперь, когда она говорит:

— Дорогой, все готово, быстрее же...

Я знаю, все действительно готово, все разложено, так как я люблю и, иногда, мне кажется так, как я хотел всю жизнь.

Моя первая жена была полная. Не толстая, но такая, которой всегда надо следить за собой, иначе она тут же переползала в следующий размер. Как мне надоели эти разговоры о всевозможных диетах! Ей всегда так хотелось есть, моей первой жене.

Я смотрю на свою вторую, как это говорят, «спутницу жизни» и удивляюсь ее худобе, ее мальчишеской фигуре, ее расторопности, ее милому и ничем не черватуому обжорству. Она съедает четверть соленого огурца, бутерброд с красной икрой, так она называет кулинарную хитрость, какой-то совершенно сумасшедший рецепт — морковь с орехами и с селедкой, это действительно напоминает икру. Потом яйца, запеченные в кусочках черного хлеба — до этого я так никогда не ел, затем чай, тоже заваренный с какими-то хитростями. И еще один бутерброд с сыром. Такой у нас завтрак.

Когда я женился в первый раз, я думал, что главное, чтобы меня любили, ведь если тебя любят, значит — все. Тут я ставил точку. Теперь я так не считаю. Один мой приятель, когда я женился пятнадцать лет назад, говорил мне, что жена должна быть такой: если умрешь — будешь знать — она твоему ребенку может дать тоже, что и ты. Тогда мне это показалось очень мудрым. В общем, это, наверное, правильно. Но если не умрешь? И все будет хорошо? Тогда все равно неизвестно, почему мы выбираем именно эту женщину и решаем жить именно с ней, почему она становится женой? Жить с женщиной — только за тем, что она может дать ребенку тоже, что дашь ты — зачем? Здесь, в этом вопросе, ничего непонятно.

Вторая жена. Вторая. Если бы для нее это не могло быть обидно, я так бы и звал ее, не по имени, не так как ей нравится — ласково, я бы звал ее — вторая жена.

Я смотрю на нее — она замечательна.

— Тебе положить твое любимое варенье?

Она приготовила варенье из апельсиновых корочек — это очень вкусно и экономно!

— Спасибо. У меня никогда не было такой жены, — шучу я, допиваю чай и выхожу из-за стола. Я не знаю еще, что числа, номера имеют упрямую тенденцию роста, что в моей жизни вслед за завтраком будет еще обед, а затем, видимо, и ужин.

## Советская жизнь

Они жили в старых кварталах, в пятиэтажных домах. Днем здесь было пустынно, а вечером люди толпились у магазинов. Выходные были шумные — будни не различались. Жизнь текла тихо, а хоронили с духовым оркестром и носили покойника вокруг пятиэтажки. Много здесь было порожних грузовиков, а баб с ведрами не было. Не просыхающих луж было много, и дороги были разбитые. Стайками, как голуби, ходили милиционеры — рядом находилось училище, но делали они все то же — стояли в очереди у бочки с квасом или пивом — покупали краковскую колбасу и тут же ели ее с кожурой и черным хлебом, от радости покручивая на пальцах милицейские свистки.

Он работал сутками — через двое на третьи. У нее тоже среди недели выпадали свободные дни. В такие дни они вставали не сразу — не торопились, а встав, не завтракали, только пили пустой крепко заваренный чай и уходили.

Сначала шли в универсам и долго там выбирали товары. Она поднимала банку консервов — показывала, он кивал головой. Тогда она подымала две банки, а он улыбался, выставлял вперед палец и губами показывал, что он против.

Из овощного они выходили, и он, пропуская ее вперед, говорил:

— А ты заметила, что лука давно нет в магазинах?

— Заметила, — отвечала она.

Дальше они шли в мебельный, у которого стояли легковые машины, приехавшие из центра.

— Смотри, какой торшер. С баром, — говорил он. — Будут деньги — купим.

— Еще моя мама в прошлом веке мечтала о таком торшере. На самом деле — это дрянь.

— Опять ты со своим «на самом деле»! Ничего не понимаешь в красоте! Я люблю твою маму за то, что ей нравился этот торшер, — шутил он.

Они еще ходили, рассматривали разные мебельные гарнитуры, продаваемые по записи, и ему хотелось подольше поглазеть и пощупать, но она тянула его за рукав:

— Скоро все закроется на обед.

Выходя, он еще продолжал спорить:

— Торшерчик — просто загляденье!

— Допотопщина, — возражала она.

Затем был книжный с отделом звукозаписи и грампластинок. Здесь они тоже ничего не покупали.

В аптеке покупали цитрамон — у нее часто болела голова. Когда выходили, она говорила:

— Между прочим, какое-то время нигде не было цитрамона...

— Да, знаю, заметил, — соглашался он.

Они выходили на улицу, где троллейбус делал свою последнюю остановку. Здесь же он напряженно разворачивался, в какой-то момент, становясь поперек небольшой улицы. Это место называли — кругом. Пассажиры не спеша выходили.

— Подъедем остановочку? — спрашивал он, когда троллейбус собирался отправиться по маршруту в обратный путь.

— Так дойдем.

Они шли пешком к дому, заходили в прачечную, она сияла чистой и фикусами. Он разглядывал большие плотные зеленые листья, протертые от пыли.



— Фикусы куда-то исчезли... Ты помнишь, как с ними боролись? — и он рукой показывал на кадку. — Говорили: пошлость, пошлость.

— В самом деле, давай заведем фикус! — предлагала она.

От прачечной они шли, держа в руках большие свертки. Он вполголоса сказал:

— Кто-нибудь из соседей решит, что мы купили пальто или костюм...

— Уже все знают, что так заворачивают в прачечной, — отвечала она.

В середине дня, к обеду, они возвращались домой. Ели колбасу, сыр, масло, мягкий только что остывший хлеб, выпивали бутылку пива — ни ей, ни ему не хотелось готовить. Она разворачивала принесенное белье и раскладывала в шкафу. Складывала и на кухню относила упаковочную бумагу — могла еще приго-

даться. Ему от бутылки пива, которую он почти всю выпивал сам, становилось очень хорошо и даже радостно.

— Давай спать! — говорил он.

Она начинала стелить постель, и теперь доставала из гардероба только что положенное туда белье. Он был против:

— Надо сначала помыться...

Но она махала рукой и говорила:

— Да, ладно: что мы, бедные!?

Сначала ложился он, и ощущение грязного тела мешало ему наслаждаться чистотой простыни, пододеяльника, наволочки. Пока она была в ванной, он о чем-то думал. Она отключала телефон, это ему было слышно, вбегала в комнату и быстро забиралась к нему под одеяло. Когда бежала, он всегда замечал одно и то же — расплывшие бедра, и успевал тепло подумать: начала стареть. Она некоторое время лежала неподвижно, преданно, по-собачьи, глядя на него. Она всегда делала такие глаза, чтобы он знал, для нее это всегда как в первый раз.

Уже после. Когда они лежали рядом, в чем-то уже чужие, он смотрел, как скадилась на бок ее ослабевшая грудь, и говорил:

— Когда ты лежишь на спине, они у тебя похожи на ручки от кастрюльки.

— Значит, я у тебя кастрюлька?

— Горячая кастрюлька, да... кастрюлька...

Он обнимал ее в последний раз, и они засыпали. Сначала он, а потом, насмотревшись на него, засыпала и она.

Через два часа они просыпались, было уже четыре или чуть больше. Он вставал, добежал до телефона — сейчас они были готовы принять любое приглашение на вечер — затем опять ложился в постель.

— Слушай, как все-таки хорошо мы сегодня купили. Все быстро, без очереди, — говорил он.

— Надо борщ приготовить, — рассуждала вслух она. — Давно мы не...

— Конечно, — соглашался он. — Хорошо у нас в Хворино.

— Почему в Хворино, а не в Ховрино?

— Не знаю. Так лучше, так мне больше нравится. Я как-то со смены ночью еду, возвращаюсь, устал, ноги ели держат, электричкой еду и думаю — вот уже следующая моя, наша. Дом. Хворино. Ховрино. Хво-ри-но. Хворино — лучше.

— На самом деле ничего не понятно. Объяснил называется, — не поддержала она.

Так они жили, детей у них не было.

## Фотография

Я смотрел на свою могильную плиту — они плакали, переживали, думали о цветах, в которых я утопал. Одни думали, что их слишком много, другие, что еще очень мало — такой я хороший... был. А я думал только о фотографии: почему не смогли подобрать что-нибудь получше!?

Была, например, фотография, сделанная в фотоателье. Когда я фотографировался, помню пошутил, сказал старому еврею-фотографу, хотя, может быть, он был не еврей, черт его знает — я помню с ярким акцентом: «Здесь я такой серьезный, что или на доску почета, или на могильную плиту». Почему они не взяли ее?

На доску почета я не попал, потому что доски отменили, а на могильную плиту еще был шанс — теперь и он упущен!

Была еще одна фотография с моей второй женой. Если ее отрезать и оставить только мою радостную счастливую морду, то, можно было бы ее взять... И возраст там подходящий — не молодой, не старый — средний. И в глазах читается уверенность в завтрашнем дне.

Я сильно расстроен из-за фотографии, которую выбрали они, провожающие меня в последний путь — как можно было остановиться на этой?! Тут мне уже много лет, я в морщинах, еще и в профиль, как дурак смотрю на юную Таню, мою любовницу, естественно, они ее отрезали, но я-то помню, что двадцать лет обещал ей развестись и жениться... Нет! Ну почему они выбрали ее?!

Впрочем, фотографии всегда меня уродуют.

## Химия и жизнь

Катя Перцова считала, что между ней и начальником Департамента строительства состоялось то, что она предпочитала называть химией.

Последнее время он смотрел на нее с интересом и ласково. Один раз подмигнул. Это первое. Второе. Как-то вдруг спросил: «Вы уже поели? Что дают пожрать сегодня в столовой?» «Тема! Поиск темы!» — определила Катя. Затем, отдельным номером пришел еще вопрос с подтекстом: «Куда едет отдыхать молодежь этим летом?» Ну тут же все ясно?! Смысл первого, второго и третьего угадывался Катей Перцовой однозначно — между ней и сорокапятилетним лысым начальником, как она выяснила, недавно разведенным, возникла молния, гроза, шквал, тайфун, цунами — в общем, серьезное природное явление.

Но Кате очень нравилось слово «химия», она верила только в нее. Уважая природную образность, она все же настаивала на научном подходе — химия, только химия все поставит на свои законные места. Теперь Катя поставила задачу приблизиться к начальнику на достаточное расстояние, обнюхать его и, если он пахнет, как надо, значит его феромоны работают, исцеляют ее женскую, истрепанную предыдущими химическими реакциями душу.



— Петр Олегович, присядьте ко мне, — остановила она его, когда тот проходил мимо ее рабочего стола. — Я запуталась в нарядах на кирпич, а еще ванны и унитаза пришли не укомплектованные — что делать?

Начальник отрезал:

— Катя, не парьтесь — можно запутаться-распутаться, главное итоговые цифры, остальное неважно.

Надежда на мгновенный химический анализ рухнула, но Катя не сдалась. Перцова решила, что химия может состояться в лифте — набьется народ, Олегovich будет прижат к стене, и тут уже она и проверит действие его феромонов. Она стала дежурить у лифта. Перед и по окончании работы, в обеденный перерыв — площадка перед лифтом, можно сказать, стала ее рабочим местом. Но за целую неделю только два раза удалось Перцовой проехать в пустом лифте с начальником, о близком контакте и думать нечего.

Правда, один раз, когда ехали вдвоем, он посмотрел на Катю Перцову, как ей показалось особенно ласково, а через несколько дней, проходя мимо ее бухгалтерского стола, пригласил зайти к нему в кабинет.

Она глубоко вздохнула и с ожиданием перелистывания новой страницы в жизни зашла за стеклянную дверь.

— Катя, ты любишь баню? — неожиданно спросил Петр Олегович, перейдя на «ты».

— Как вам сказать... я вообще-то... — начала лепетать она.

— Мы тут с компанией собрались, мне кажется, что ты согласишься, ведь мы... то самое... ну в общем, ты понимаешь, я смотрю на тебя... это не харасмент, можешь отказаться, просто я смотрю на тебя, мне кажется, что мы любим это... баню.

«Господи, это не химия! Это опять жизнь!» — простонало ее измученное тело.

## Портфель

Зонтиков собирался на работу в институт — он называл его ВНИИГовно, хотя, на самом деле, он имел вполне приличное название: «Всероссийский научно-исследовательский институт градостроительства». Здесь Зонтиков трудился довольно давно, но на полставки, и потому шутил дома: «Я не в полном говне, а в полуговне».

Жена не любила этот его грубый юмор, называла его «нищенским».

— ... и сколько можно работать на полставки!

— Зато рядом! — парировал муж.

Сын Зонтикова ходил в школу рядом с их домом, но сначала он ходил в детский сад — тоже рядом, что и говорить — удобно. И вот теперь он уже ходил

в школу, а недалеко, буквально в двух троллейбусных остановках, находился ВУЗ, и все в семье Зонтиковых знали, что и сад, и школа, и ВУЗ, куда скоро будет поступать сын Паша Зонтиков — дерьмо, или, как предпочитал выражаться глава семьи — полное говно. Но все рядом.

— Только магазин «Пятерочка» в торце нашего дома хороший, а все остальное у нас тут полное, полное, полное...!

Так жила семья Зонтикова, иногда бурно обсуждая жизнь вокруг и рядом. Но по заведенному обычаю, который Зоя, жена Зонтикова, подсмотрела когда-то давно в старом американском фильме, перед сном шла целовать своего любимого мальчика, добавляя к словам про любовь, красоту, про нечто хорошее, что ждет подростка в жизни один единственный вопрос:

— Ты собрал портфель?

— Ма! — отвечал сын. — Ну, ты же знаешь, я тебе уже сто раз говорил, у нас школа говно, учителя — говно, у нас уже полкласса ходят вообще без портфеля, ничего не носят, ничего не учат, ничего им за это не бывает...

— Все равно, запомни на всю жизнь — портфель должен быть собран с вечера!

## Красота

«Красивая вещь», «красота спасет мир», «надо быть внутренне и внешне красивым», «Бог создал нас красивыми», «красивые люди», «красивые отношения», «он красивый — она красивая», все должно быть красиво. В этих словах я рос до второго курса иняза, считая, что красота меня окружает и должна окружать всю жизнь.

На втором курсе я серьезно влюбился и привел в дом для знакомства с родителями однокурсницу, очень красивую девушку — все у нее было правильно: нос прямой, профиль, фас, волосы длинные, фигура безупречная, ноги прямые — не девушка, а модель, просто кукла. Я рассматривал эту ее красоту как мое вознаграждение за мой ум, безупречную зачетку с пятерками и, уже ясно, авансом, за будущую головокружительную карьеру.

Мы сели за круглый стол в нашей большой комнате, пили чай с тортом, говорили мало и, как бы ни о чем, но, собственно, что тут скажешь — и так все понятно. Потом я посадил мою Таню на троллейбус и быстро вернулся — хотелось узнать родительское мнение.

— Ну, как вам она?! — крикнул я почти с порога.

Отец посмотрел на меня, как на круглого идиота, его взгляд я запомнил надолго.

— Красивая, — без восторга произнес он.



Через паузу добавил: — Ты не представляешь, сколько рогов она тебе наставит! Ты будешь задевать ими все люстры во всех домах, в которые будешь входить, красота в жизни — это только предлог...

Он не договорил, а я не дослушал — посмотрел на свою красивую мать, слезы подкатились к глазам: предлог, предлог, предлог...

